

Т. Тюркер¹

НОВЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК? ОТВЕТНЫЙ УДАР ЦИВИЛИЗАЦИИ(-Й)?

Статья Эрнесто Лакло 1992 года «Универсализм, партикуляризм и вопрос идентичности» по-прежнему актуальна в эпоху транзита мирового порядка. В то время как дебаты о моно-, би- или многополярности были основным вопросом международной политики в последние два десятилетия, выход Великобритании из Европейского союза и особенно ураганное влияние Трампа и его аура в виде интернационализированного трампизма породили новые вопросы и реалии, несмотря на победу Байдена на президентских выборах 2020 года и обещание возврата традиционных ценностей (если можно так назвать гегемонистские аргументы периода после холодной войны). Очевидно, что обещания Байдена в вопросах международной политики не сочетались, а в некоторых областях и контрастировали с тем, что происходило в мире до сегодняшнего дня. Таким образом, дебаты эпохи Трампа все еще не утратили актуальности, а вопрос о мировом порядке по-прежнему актуален.

В последнее десятилетие основы западных обществ и международной системы были поставлены под сомнение: 1) внутренними проблемами, вызванными трансформацией технологий, капитализма, общества, управления и международной политики; 2) международным соперничеством в региональных масштабах и 3) тотальной конкуренцией со стороны Китая. Очевидно, что эти три фактора создали для Запада сложную картину, которая выкристаллизовалась в антисистемные вызовы: термины «правый или левый популизм» больше не могут объяснить всю сложность ситуации. Высказывается мнение, что в наши дни происходят спонтанные изменения или серьезные отклонения в истории Запада и всего мира. Однако пандемия, избирательная кампания в США (включая захват Сената 6 января 2021 г.), международные политические дискурсы и события показали, что мир

находится в той стадии, когда *старое не может умереть, а новое не может родиться, и мы боремся с монстрами*, как говорит Грамши.

Эти три уровня заслуживают краткого пояснения. Говоря о внутренних проблемах Запада на Лихачевских чтениях в 2017 году, я упоминал Баумана и Бордони, и считаю необходимым снова повторить их идеи и умозаключения. Для описания современности Бауман и Бордони предложили термин *текущая современность*, поскольку если во время и после долгого XIX века современность можно было описывать как *статус-кво*, то XXI век — это снова период неясности, поиск нового *статус-кво* или, по формулировке Умберто Эко, *«попытка проникнуть в завтрашние, пока неизвестные обстоятельства»*. В своей книге *«Состояние кризиса»* Бауман и Бордони утверждают, что мы сталкиваемся с двойным кризисом — с одной стороны, бессилием государств, с другой — радикальным изменением социальных структур. Результаты современного кризиса можно разделить на политические и социальные.

Наиболее заметный политический результат, который я хочу подчеркнуть, — потеря чувства *идентичности* или коллективного сознания, которое было сформировано в *национальных государствах* для обеспечения преемственности, и от этого зависела вся международная система. Такая идентичность, или коллективное сознание, имеет два аспекта: локальный аспект описывает особенности, связанные с нацией, языком, религией, историей и тому подобным, обеспечивая сплоченность внутри страны, в то время как универсальный аспект связан с безопасностью, справедливостью, демократией, правами человека и прочим, обеспечивая преемственность системы ценностей и даже международной системы. Независимо от затронутого здесь вопроса о противостоянии универсализма и партикуляризма, я считаю допустимым, что обособленность национальных государств зависит от универсальности ценностей, которая создает международную систему; иными словами, заметная эрозия универсальных ценностей является еще одним существенным фактором. Другой аспект — слабость государств перед

политическими требованиями масс; в этой области все еще идет поиск законных и эффективных путей управления. Однако именно благодаря требованиям масс социальные результаты могут быть связаны с политическими. Можно возразить, что требования масс также трансформировались. Сегодня они не знают, чего хотят, но очень хорошо знают, чего *не* хотят; это делает общества менее управляемыми с помощью таких современных методов, как представительство, парламент, партии или даже структуры гражданского общества. В то же время нельзя не считаться с тем, что массы одержимы жаждой потребления. Согласно концепции авторов, *общество потребления* заменило гражданское общество, что является новой реальностью для всех социальных и политических сфер. Это делает из потребления текущий *telos* (греч. цель. — Примеч. перев.). Кризис современности и ее «текущий» характер, о котором говорилось выше, на самом деле указывают на кризис суверенитета и демократии в современном мире.

Пост-версия современности в целом основывалась на оценках с точки зрения постмодернизма, согласно которым наднациональные организации и микронации заменили бы национальные государства и даже нации, обновленные версии демократии были бы усовершенствованы с помощью социальных сетей, гражданского общества и тому подобного, число синих воротничков сократилось бы по сравнению с белыми воротничками, а экономика стала бы зависеть от еще большего количества технологий и инноваций.

Однако противоположные тенденции — традиционная политика, а именно сначала Брексит и Трамп, а затем и инфраструктурная динамика традиционного общества, нанесли ответный удар, став вызовом постиндустриальным экономическим отношениям, в которых консервативные ценности были противопоставлены либеральным обещаниям *вымышленного* общества. В парадигме Кодзина Каратани (треугольник «государство, капитал, общество») можно утверждать, что расширение капитала в сравнении с государством и обществом создало множество *проблемных областей* в тот

период. Приведу лишь один пример: то, что социальные сети временно закрывают аккаунты действующего американского президента, должно шокировать, если вспомнить, что монополия на насилие является основой легитимности государства и полномочия цензора в этой модели принадлежат государству, а не отдельным группам капитала. Дебаты о популизме в тот период — еще одна яркая иллюстрация кризиса. В то же время нельзя игнорировать предупреждение Мадлен Олбрайт о *фашизме* в ее книге 2018 года.

Второй уровень, региональное соперничество, стал еще одной проблемой в рамках кризиса. Оно было названо *безопасностью* на Мюнхенской конференции по безопасности и *гоббсовской международной средой* на Всемирном экономическом форуме, а альманахи последнего десятилетия пишут о вакууме и «легких» конфликтах, характеризующих международную политику почти во всех регионах мира. Это Ближний Восток, включая Сирию, Ирак, Афганистан и Ливию; Африка, особенно Сахель и побережье Восточной Африки; кризис демократии в Южной Америке, особенно в Венесуэле; Восточная Европа, особенно Украина в 2022 году, и т. д. Региональные державы с глобальным влиянием, сформировавшимся в тот период, такие как Россия, Индия и Бразилия; а также другие региональные державы, такие как Иран, Индонезия, Филиппины, Южно-Африканская Республика, Египет и Саудовская Аравия, стали игроками, бросающими вызов Западу. Более того, раскол внутри Запада, проявившийся в Брексите, стремление Турции к более автономной внешней политике, африканская перспектива Франции и *neue Ostpolitik* (нем. новая восточная политика. — *Примеч. перев.*) Германии стали более серьезными вызовами для западного мира. Все эти «малые» кризисы, приведшие к гибели миллионов людей, голоду и бездомности, которые стали реальностью во времена господства Запада, еще больше ударили по его господству, а его соперники только укрепили свои позиции.

Хотя такое соперничество уже подрывало гегемонию Запада в международной политике, настоящий — системный — вызов пришел из Китая.

Как уже упоминалось выше, этот вызов носит тотальный характер и выражает стремление к глобальному доминированию. Дебаты о роли Китая в Бреттон-Вудской системе уже говорят о тотальном вызове, поскольку вся западная гегемонистская мировая система основана по большей части на Бреттон-Вудсе. Конечно, Бреттон-Вудс создал некоторые предпосылки для укрепления западной гегемонии, но все же это был результат реального экономического доминирования США. Никсоновский шок стал запятой в предложении, но никак не точкой. Три фактора, а именно: 1) стремительный экономический рост современного Китая; 2) упомянутая выше «запятая», которая сделала нынешнюю экономическую систему недействительной, и 3) позиции новых игроков, таких как Индия и Россия, в отношении поиска новой системы, могут свести на нет доминирование доллара США. Налицо появление нового мира.

Если в течение двух десятилетий *belle époque II*, последовавших за падением Берлинской стены, девизом был новый свободный мир, где, по словам Фрэнсиса Фукуямы, «история закончилась», то в последнее десятилетие, особенно после Брексита, происходит превращение Китая в глобальную державу, а свободный мир со свободной торговлей и либеральными ценностями становится первым, от чего отказывается Запад в свете *новой версии холодной войны*. На этот раз Фукуяма пишет «Идентичность» и постулирует концепцию «столкновения цивилизаций» своего покойного профессора Сэмюэля Хантингтона.

Краткое изложение событий последних лет поможет прояснить контекст. Первое важное событие, достойное упоминания, — дебаты между Трампом и Байденом перед выборами. Расколотившее общество, полное противоречий, — вот главное впечатление от американских выборов 2020 года. Во внутренней политике Трамп был «традиционным» консерватором. Термин «традиционный» используется здесь, чтобы отличить его от «нео»-формы, а Байден был либералом и даже социал-демократом с точки зрения Европы. Что касается экономики, то Трамп выступал за традиционную промышленность, а Байден — за новую, поддерживая информационный сектор и сектор услуг. Что

касается международных экономических отношений, то Трамп придерживался *меркантилистских* взглядов, в то время как Байден был сторонником свободной торговли. В международной политике Трамп должен был создать контролируемый вакуум, из-за которого союзники испытывали бы нужду в США, в то время как Байден должен был призвать Америку вернуться на мировую арену для укрепления сотрудничества со старыми союзниками. Вскоре Байден уже пытался найти золотую середину между собственной предвыборной позицией (обещаниями *великой перезагрузки*, по выражению Клауса Шваба на Всемирном экономическом форуме, постиндустриальной мечты, прогрессивного общества и нового американского миропорядка, мотивированными его либеральным *weltanschauung* (нем. мировоззрением. — *Примеч. перев.*) и ультра-идеалистическим подходом к международной политике) и позицией Трампа, обещавшего *вернуться к американской мечте* эпохи после Второй мировой войны, индустриальному и прочному обществу, спонтанному мировому порядку, где «*Америка превыше всего*», что было мотивировано его консервативными взглядами и ультрареалистическими предпосылками в международной политике. Очевидно, что такого баланса весьма трудно добиться...

Байден — или любой другой, будь то демократ или республиканец — сегодня и в ближайшем будущем должен решать проблемы дуального общества в США, связанные с необходимостью сосуществования традиционного индустриального и постиндустриального обществ, огромными экономическими проблемами, а именно инфляцией, расколом общества, прогрессивными требованиями и консервативной реакцией, политической закостенелостью, разрывом партийных мотиваций между поколениями и даже идеологиями, сложностями на предстоящих выборах и т. д. Однако все эти вопросы могут происходить из одной фундаментальной проблемы, о которой говорилось выше, — поиск нового *telos*, нового *habitus* (лат. системы установок), нового *modus vivendi* (лат. образа жизни), нового американского *status quo*, который может явить собой способ быть цивилизованным, когда термин

постцивилизация столь же правомерен, как и термин *пост-правда*. Этот поиск, конечно, будет идти параллельно с поиском решений в области международной политики и даже нового мирового порядка: Байден был весьма разочарован тем, что нашел мир не таким, каким он был после окончания президентского срока Обамы в 2016 году.

Вкратце, мир 2020 года, который уже далеко ушел от западной гегемонии и стабильной архитектуры, в общем виде имел следующую расстановку сил: тотальный соперник — Китай, старый соперник, находящийся между США и Китаем, — Россия, бросающие вызов союзники — Германия и Франция, растущее влияние региональных держав и их амбиции по всему миру. План Киссинджера эпохи Трампа — присоединение России и Индии к альянсу тихоокеанских стран с центральным англо-американским блоком, состоящим из США, Канады, Великобритании, Новой Зеландии и Австралии, для сдерживания Китая — был реалистичным и перспективным и для администрации Байдена. До февраля 2022 года... Но теперь стало очевидно, что англо-американский блок (усиленный в 2021 г. новой Атлантической хартией) выбрал путь консолидации трансатлантических отношений путем подавления континента и оттеснения России. Однако этот путь едва ли жизнеспособен по следующим причинам: 1) необходимость в России и ее союзниках (в частности, Индии) в Тихоокеанском регионе; 2) реакция со стороны континентальной Европы; 3) угроза глобального экономического кризиса. Еще одной, возможно, самой важной причиной может быть угроза консолидации Китая, России, Индии и многих других стран Тихоокеанского региона и, возможно, Ближнего Востока и даже Европы на основании консенсуса в поиске нового мирового порядка. Хотя Россия сама по себе не способна на глобальный вызов, ее союз с Китаем полностью меняет игру.

В ближайшем будущем, если соперничество между США и Китаем станет главной осью международной политики, каким соперничеством будет жить мир и какую архитектуру это создаст? Поскольку основой политики всегда являются материальные соображения, конкуренция США и Китая должна

создать политический дискурс, который узаконит нынешние позиции. В этот момент фраза Киссинджера может стать ориентиром для дебатов. Он утверждал, что на протяжении всей своей истории человечество создавало способы объяснения окружающего мира: в Средние века — с помощью религии, в эпоху Просвещения — с помощью разума, в XIX веке — с помощью истории, в XX веке — с помощью идеологии. Другими словами, в XX веке доминировала идентичность и позиции, основанные на идеологической конфронтации США сначала с фашизмом, а затем с социализмом. XIX век был веком национализмов с преобладающим историческим подходом, который был основой национальной идентичности. С тех пор участие масс в политике привнесло новый аспект в проблему идентичности. Идентичность будет центральным пунктом политической повестки, если массы будут оставаться ее действующими лицами. Хотя смерть *koionon* (греч. общественного) и доминирование *idion* (греч. собственного) утверждались сторонниками антиутопий во время пандемии, описание идентичности на тот момент было проблематичным. Национальные идентичности не исчезли, но первостепенной идентичностью была идеологическая. Такое явление, несмотря на замену, снова станет основным курсом. Итак, национальные идентичности останутся, идеологические идентичности останутся — ведь Байден призывает мир к политике, основанной на ценностях, но первостепенная, новая идентичность должна быть более сложной, объясняющей соперничество и убедительной для закона, а также создающей сплоченность для внутренней политики Запада, особенно США; для этого может быть использована концепция *цивилизации(-й)*.

Цивилизация(-и) — это двоякий и даже противоречивый термин. Вопреки общему мнению, этот термин очень долгое время употреблялся в единственном числе. Проблема «мы и другие», ставшая камнем преткновения современной политики, уходит корнями в ветхозаветную главу «Числа». Считались только «мы», а «все остальные» были язычниками. Древние греки называли других *варварами*. В Риме бытовала концепция «римляне против дикарей». Таким

образом, концепция основывалась на утверждениях об универсальном характере идентичности и была дихотомичной. Рим стал единственным источником легитимности, где в один и тот же период правили четыре римских цезаря: в Риме, во втором Риме — Стамбуле, в третьем Риме — Москве и в «другом» Риме — Вене, о которой Вольтер говорил, что «это не святое и не римское место, а просто кучка немцев». Латинское слово «универсальный» и греческое слово «экуменический» были основой легитимности до Вестфальского мира, который обеспечил легитимность партикуляризму и сделал возможным триумф национализмов в XIX веке. В то время термин «цивилизация» использовался как синоним для *хороших манер* или *приличий*, и это четко прослеживается у Мирабо в значении *modus vivendi*, принадлежащего аристократии. Позже во французском языке оно вновь обрело универсальное значение, обозначая эпохи развития человечества — хронологически несколько цивилизаций, в то время как немецкий язык всегда предпочитал *Kultur*. В тот же период, пока Франция создавала республиканскую политическую модель нации на основе взглядов Руссо, Германия должна была сформировать свою собственную модель нации на основе *Sittlichkeit* (концепции этической жизни) Гегеля и «Речей к немецкой нации» Фихте — или комбинации фон Ранке и Лампрехта из историографии.

В поисках новой концепции политической идентичности в свое время были проведены реформы Александра II, которые сделали недействительной концепцию графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность»; Российская империя создала более подходящую и полезную формулировку для целей своей идентичности, соответствующую ее потребностям как империи на тот момент. Речь идет о книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому» (1875), где он впервые классифицировал цивилизации и создал концепцию цивилизации в рамках современной Вестфальской национальной модели с вариантами сплочения масс с помощью формулировок идентичности. Как говорил Марк Твен, «история никогда не повторяется, но часто

рифмуется»; вот и формулировки Данилевского рифмовались с формулировкой Уварова, относя царя и самодержавие к имперской (романской) лояльности, церковь — к философии православия, а народность — к преимущественно германской национальной сущности. (В этом очень помог термин «самобытность» (уникальность), предложенный для России славянофильской мыслью и заимствованный из немецкой антропологии и философии). Чудо заключалось в том, что таким образом была создана идентичность, необходимая империи для реализации современной на тот момент политики и транснационального внутреннего и даже регионального влияния. Классификация была настолько успешной, что Достоевский использовал ее в последние годы своей жизни; из нее вытекала идея византизма Леонтьева, и даже утверждение Бакунина, что анархия была бы успешной только в Российской и Османской империях, основывалось на этой классификации цивилизаций.

Множественное число в концепции цивилизаций использовалось только в Британии, что неудивительно, поскольку потребности этой империи были схожи с потребностями России. Сначала в 1919 году Шпенглер в своей работе «Закат Европы» продолжил использовать форму множественного числа для слова «цивилизация», затем Тойнби в 1934 году в своей книге «Исследование истории» основывал свои идеи на существовании цивилизации(-й). (В континентальной Европе термин все еще принципиально использовался в единственном числе, но, подобно французской *L'École des Annales* (фр. Школа Анналов) с историческим периодическим подходом Броделя, использовавшего термин *synthétique géographies* (фр. синтетические географии); или же не использовался вообще, как в Германии). Британский менталитет тори был импортирован в США Лео Штраусом, за которым последовали его ученики Сэмюэль Хантингтон и Фрэнсис Фукуяма.

Таким образом, концепция множественных соперничающих цивилизаций не является чуждой для США, Великобритании и России. (Хотя континентальное европейское сознание далеко от этой концепции, сам ЕС

может рассматриваться как ее пример, особенно вкупе с основополагающими идеями Александра Кожева, который был русским иммигрантом. Кроме того, не чужд этой концепции и Китай с его имперским мышлением, именующий себя *Zhōngguó*, что означает «средний мир».) Однако причина, по которой сегодня эта концепция является адекватной и полезной для формулирования дискурса соперничества между США и Китаем, должна получить объяснение, выходящее за рамки интуитивных представлений и «оценок на глаз», в зависимости от конкретной ситуации в США, Китае и международной политике. Во-первых, эта концепция достаточно гибкая, чтобы охватить большую мировую территорию, ее значение шире, чем «культура» или «нация», и опять же более гибкое, чем термины идеологии. Это можно назвать мирным сосуществованием культур и наций под большим толерантным куполом. (Хотя можно легко утверждать, ссылаясь на Терри Иглтона, что *civitas* и культура конкурируют.)

Кроме того, она не является столь строгой, как концепция, формирующая идеологический блок, и приветствует различные политические модели с узкими разделительными линиями. Гибкая концепция цивилизации может быть полезна для формирования более крупных альянсов, когда уже будет достигнуто четкое понимание того, что постнационалистические тенденции по своей сути утопичны, а демократию в наше время следует описывать шире, с более практичными подходами и с учетом иных моделей, таких как китайская политическая система. Партикуляристская по своей природе, благодаря призыву к универсализму такая концепция может быть достаточно привлекательной. В ее основе лежит почти двухсотлетняя вестернизация стран, находящихся, по выражению Жака Рансьера, *aux bords de l'ouest* (на берегах Запада). Она имеет более выраженное географическое преимущество, от Японии до Индии; и даже от постсоветской географии, изменяя/подчеркивая значение термина «Евразия», который в настоящее время противопоставляется Западу, до европеизированной Азии, Ближнего Востока в более широком понимании, с интерпретацией «средиземноморских корней», включая ислам и

иудеохристианское наследие. Наконец, можно утверждать, что потребность в новом *telos* и обещание новых *habitus* и *modus vivendi*, которые являются сильнейшими аргументами Запада в новом соперничестве, вероятны и достижимы в ходе диалога цивилизаций. (В рамках этой модели можно утверждать, что немецкое понимание *Kultur* (культуры) и даже *Kulturkampf* (борьбы за культуру) могло бы стать сутью миропорядка в краткосрочной перспективе). Вместо союзов XIX века, основанных на национализме и истории, или союзов XX века, основанных на блоках и идеологиях (но также включая национализм), мир XXI века может быть основан на цивилизациях и социологии (возможно, культурологии или антропософии), включая идеологическое наследие и национальные суверенитеты. Остается надеяться, что такая конфигурация мировой политики приведет к более мирной и стабильной системе, а не будет напоминать суждение Баумана о фашизме как о естественном и неизбежном результате самой современности.